Удивление, событие и метонимический субъект

Михаил Маяцкий
Научный сотрудник, факультет гуманитарных наук, Лозаннский университет. Адрес: Université de Lausanne, CH-1015 Lausanne, Switzerland. E-mail: mmaiatsky@gmail.com.

Ключевые слова: удивление; метонимия; контингентность; субъективность; событие.

Известное общее место считает удивление (которое у греков *восхищает*, а у позднейших, скорее, *поражает*) началом философии (которая тщательно различает философское удивление от банального). Важное место удивлению уделяет и эстетика. У русских формалистов его конкретизируют понятия остранения, деавтоматизации. В своем эвристически богатом анализе Роман Якобсон начиная с 1919 года показывает роль метонимии в прозе и новой поэзии — в отличие от метафоры, центральной для поэзии традиционной. Такая переоценка роли смежности (а также случайности, произвольности) по сравнению со сходством (или синтаксиса по сравнению с парадигматикой) нашла определенный отклик в (преимущественно, но не исключительно французском) мышлении *события*. Начиная с «Логики смысла» Жиля Делёза (1969), разворачивается настоящий апофеоз события: разные мыслители (Деррида, Бадью, нео-феноменологи) прославляют не(пред)-сказуемость, неожиданность, беспричинность события.

В статье показано, что такое мышление события (с присущим ему оптимизмом новых горизонтов и возможностей) связано с тем типом события, внутри которого это мышление родилось, а именно с маем 1968 года. Ни предыдущее событие (холокост), ни тем более последующие (9/11, пандемия) не покрываются полностью *этой* «теорией». Параллельно с мышлением события образца мая 1968-го шло осмысление субъективности, точнее, быстрой смены ее исторических типов в течение одного XX века и поиск адекватных средств схватывания того, что заступило на место бывшего субъекта. Это новое и трудноуловимое образование (именуемое, например, *advenant*-пришествующее, согласно Клоду Романо и его русскому переводчику Руслану Лошакову) соответствует метонимическому, контингентному характеру самой социальной и/или смысловой реальности.

«Удивлению», с которого философия любит начинать свою историю, не положено быть строгим термином и уж подавно философским понятием: оно ведь лишь *предшествует* философии, *вызывает* ее. По мере того как удивлением заинтересовались наряду с философией и другие науки о человеке[1], его смысл стал еще более широким и еще менее строгим.

Греческое *thaumazein* переводят в этом контексте как «удивляться» (*bewundern, s'émerveiller, admirer, to be amazed/ravished, ammirare, admirar* и т. д.), оставаясь в семантике дива, чуда, изумления, или же дополняют более брутальным смысловым полем оцепенения, остолбенения, настижения, испуга, поражения (*étonnement, stupeur, terreur, effroi, astonishment, (Er-)Staunen, sorpresa/stupore, asombro/sorpresa* и т. п.), этимологически возводя его, например, к сотрясению фундамента или скалы, к трещине в алмазе (*étonnure*[2]), что дает богатую перспективу для осмысления трещины-травмы психической. В психоанализе это понятие оказалось полезным для описания и душевного состояния, и отношений аналитика и анализанта. Аналитик должен быть «готов» к удивлению, начиная работать с каждым новым анализантом, чтобы не сводить его к известным случаям или схемам, — и даже при каждой новой встрече с любым анализантом. К этой готовности нельзя, однако, готовиться, так как это означало бы уже подрывать, портить будущее удивление. Некоторые аналитики считают, что это удивление должно быть, но не должно проявляться, выказываться, поскольку

Ранняя версия статьи была написана по-французски под заголовком *M'étonnymie et l'épouvénement* для сборника: L'étonnement: histoire d'une passion. Philosophie, esthétique, éthique / L. Vinciguerra (dir.). P.: Klincksieck (в печати).

1. *Matuschek S.* Über das Staunen. Eine ideengeschichtliche Analyse. Tübingen: Niemeyer, 1991; *Onians J.* 'I wonder…' A Short History of Amazement // Sight and Insight: Essays on Art and Culture in Honor of E. H. Gombrich at 85 / J. Onians (ed.). L.: Phaidon, 1994; *Гройс Б.* О новом. Опыт экономики культуры. М.: Ad Marginem; Гараж, 2015; L'admiration. Miettes d'immortalité / M.-C. Pasquier (dir.). P.: Autrement, 1999; *Baroni R.* La tension narrative: suspense, curiosité et surprise. P.: Seuil, 2007.
2. Le Robert. Dictionnaire historique de la langue française / A. Rey (éd.). T. 1. P.: Le Robert, 1998.

может оказаться слишком сильным мешающим фактором. Другие делают ставку на удивление-потрясение анализанта при столкновении с его интерпретацией со стороны аналитика. Ради этой интерпретации он, казалось бы, и пришел на лечение, но она оказывается фатально не-ожиданной, не-желанной. Это неприятное, болезненное удивление должно вписаться далее в механизм сопротивления и трансфера[3].

Если вернуться к философии, то начинается она с удивления двояко. Она может стремиться его постоянно воспроизводить или же, наоборот, отталкиваться от него, чтобы в конце концов его преодолеть: линия Платона (и Аристотеля, и Гуссерля, и Витгенштейна[4]) против линии стоиков с их знаменитым *nil admirare* (но уже у Анаксагора и позже у Спинозы). У каждой линии есть, впрочем, «ложные друзья», то есть, по сути, враги. У линии Платона — это тривиальное удивление любопытного обывателя, наигранно шокированного тем, что «не обычно», «не принято», «так не делается»; у линии стоиков — это то ничему-не-удивление, которое сродни инертности, равнодушию, болезненной лени, безразличию, нелюбопытству, бесчувственности, тупости. Эти два «врага» не так уж чужды друг другу: трудность удивляться взаимообъяснима с потребностью себя развлекать, возбуждать, щекотать, поражать. Философ запрещает себе банальное удивление, чтобы суметь удивиться обычному и расхожему, на которое не обращает никакого внимания простой смертный, — например, что существующее существует; так, удивленное вопрошание бытия сущего вполне рифмуется у Хайдеггера с отвержением всей журналистско-парламентской публичности с ее «жадностью на новое» (как он буквально и морфологически трактует *Neugier* в § 36 «Бытия и времени»).

Первая линия осенена именем Платона: его классический пассаж из «Теэтета» (155cd) приводят обычно как *archē* всякой рефлексии о философском удивлении. Здесь Теэтет, а потом Сократ употребляют *thaumazein* в смысле «быть озадаченным» каким-нибудь парадоксом или проблемой. Но этот смысл контраста между объектом и средствами познания для Платона нетипичен; у него такой контраст выступает познавательной помехой. Позитивная оценка подобного контраста в гораздо большей степени свойственна Аристотелю. Эпистемология Платона носит «симпати-

3. L'étonnement / F. Belle-Isle et al. (dir.). Montréal: Liber, 2000.
4. *Чернавин Г.* Формы философского удивления: Гуссерль и Витгенштейн о самопонятном // Horizon. 2017. Т. 6. № 2. С. 164–176.

ческий» характер, она основывается на сходстве: так невидимые идеи наилучшим образом постигаются невидимой же душой; так перцепции соответствуют «своим» органам чувств (звуки не воспринимаются руками, вкус — ушами и т. д.). Если удивление и играет какую-то роль в платоновской эпистемологии, то только в смысле внезапности[5] постижения или ослепляющего эффекта блага/истины. Совсем другое дело у Аристотеля: своего рода эпистемическое удивление лежит в основе его представлений о восприятии. Именно в силу различия — а не сходства, как у Платона, — между перцептивным аппаратом и внешним воздействием возникает ощущение, и сила его пропорциональна степени этого различия. Чем более «удивлены» органы чувств, тем сильнее испытываемое индивидом ощущение; и наоборот, без «удивления» — никакого ощущения. Этот подход был потом возведен в принцип Декартом. Удивление у него — первая и самая базисная страсть, участвующая в любом ощущении. Ощущение — это, собственно говоря, внезапное удивление души (*une subite surprise de l'âme*)[6], определяющее ее интерес прежде всего к предметам редким и необычным.

Модерновая, или, скажем, поствозвышенная, перспектива видит в искусстве мощную машину удивления[7]. Формалистское остран(н)ение было призвано описать механизм, которым искусство и литература удивляют[8]. Поздний Шкловский, толкуя это ключевое понятие, ссылается на Эйнштейна:

> Остранение — это удивление миру, его обостренное восприятие. Закреплять этот термин можно, только включая в него понятие «мир». Этот термин предполагает существование и так называемого содержания, считая за содержание задержанное внимательное рассматривание мира. Напоминаю, Альберт Эйнштейн в «Творческой биографии» говорил: «Для меня не подлежит сомнению, что наше мышление протекает в основном минуя символы (слова) и к тому же бессознательно. Если бы это было иначе,

5. Имеется в виду прежде всего знаменитый пассаж в «Пире» 210e4. См. также: *Cimakasky J.* All of a Sudden: The Role of *Ἐξαίφνης* in Plato's Dialogues. Doctoral dissertation. Pittsburgh: Duquesne University, 2014.
6. *Descartes*. Passions de l'âme [1649]. Partie II, art. LXX.
7. «…В книге „О возвышенном" речь идет не о преднамеренном эффекте, а о преклонении перед словесным искусством: удивление есть косвенное определение *hypsos* [возвышенного]» (*Matuschek S.* Op. cit. S. 6).
8. *Гинзбург К.* Остранение: Предыстория одного литературного приема / Пер. с ит. С. Л. Козлова // Новое литературное обозрение. 2006. № 80. С. 110–123. Итальянский оригинал вышел в 1996 году.

> то почему нам случается иногда „удивляться“, притом совершенно спонтанно, тому или иному восприятию». Тот внутренний мир, та модель мира, которая создается художником для опознания мира, создается на основании обостренного восприятия, как бы вдохновенно. То, что Эйнштейн называет «акт удивления», наступает тогда, когда «восприятие вступает в конфликт с достаточно установившимся в нас миром понятий». Наука бежит от акта удивления, преодолевает его. Искусство сохраняет акт удивления. Оно в поэзии пользуется словами и созданными прежде художественными построениями — «структурами». Но оно преодолевает эти структуры, сталкивая их — обновляет их в самом акте удивления[9].

Здесь важны по крайней мере три момента. Во-первых, удивление возникает при несоответствии нового объекта привычным понятиям, так что новый объект как бы нечем описывать. Во-вторых, наука отталкивается от акта удивления и отталкивает его, стремясь создать новые понятийные орудия, чтобы сладить с удивительным объектом и тем самым «преодолеть» удивление. Искусство же дорожит удивлением, сохраняет его как таковое; поэтому искусство (и не только оно: далее мы увидим, что такому подходу сродни и определенная недавняя философия) преодолевает не удивление, а, напротив, собственные устоявшиеся структуры, чтобы вызывать удивление снова и снова. И в-третьих, искусство не столько удивляется некоему объекту, сколько удивляет именно новыми «художественными построениями».

Пусть формалисты вволю наиронизировались над теорией экономии сил, зато в их трудах по языку поэзии и прозы, в их трактовке конвенций и их трансгрессий намечается настоящая теория экономии удивления. В своих размышлениях о природе литературного языка или литературного использования языка они задались естественным вопросом о его отличии от обыденного использования языка. И ответили: литература характеризуется тем, что является собственной темой и предметом; ее посыл, «месседж», обращен на нее самое. В чистейшей своей форме она представляет собой некоторое *непереходное* (или, говоря языком феноменологии, неинтенциональное, а то и самоинтенциональное) состояние языка. Литература — не про мир, она не от мира *сего*. Она мир сама по себе. Литература вносит безнадежные помехи в коммуникативную функцию языка, удивляет читателя об-

9. *Шкловский В.* Тетива. О несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970. С. 230–231.

манным злоупотреблением своими средствами (словами, красками, объемами…). Через анализ самых разных средств и приемов (к тому же постоянно эволюционирующих) и прежде всего их варьирования у формалистов проступает некая теоретическая забота, которую тогда часто характеризовали термином, ныне вышедшим из моды, — *диалектика.* По определению не существует единого приема, ответственного за удивление, как не существует обеспеченного надежной рецептурой средства привлечения внимания читателя, и остран(н)яющие приемы нельзя предсказать заранее; они изменяются вместе с материалом, социальным и литературным контекстом, с практиками и привычками чтения (и восприятия искусства вообще).

Интересен заход к удивлению и далее вообще к природе того искусства (и той культуры в целом), которые в полной мере разовьются только во второй половине XX века, через понятие метонимии. В отличие от своей товарки-контрагентки — метафоры, метонимия остается на вторых ролях: большинство учебников, антологий и хрестоматий по философии языка уделяют разное, но всегда немалое внимание метафоре и маленькое (или никакое) — метонимии. Несколько появившихся в последние десятилетия монографий и сборников[10] нисколько не меняют прежнего перевеса в пользу метафоры. Споры (в этом *сходство* с метафорой) о природе и характере этого явления не утихают. Одни считают метонимию фигурой отсутствия (или чистой случайности) всякой связи: необоснованное соседство, чистая смежность. Другие считают ее фигурой отношений (причинных, материальных или иных; «перо» — метонимия писательского труда, «золото» — богатства, «Пушкин» — творчества Пушкина и т. д.). Третьи решительно расширяют семантику метонимии до любой «косвенности, поэтому метонимия лежит в основе большей части эвфемизмов, обтекаемой и расплывчатой (*hedging and vague*) речи»[11].

Современные исследователи метонимии сходятся на высокой оценке эвристического потенциала исследований Романа Якобсо-

10. Metonymy in Language and Thought / K.-U. Panther (ed.). Amsterdam: J. Benjamins, 1999; Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / R. Dirven, R. Pörings (eds). B.: De Gruyter, 2002; *Bierwiaczonek B.* Metonymy in Language, Thought and Brain. Sheffield: Equinox, 2013; *Littlemore J.* Metonymy: Hidden Shortcuts in Language, Thought and Communication. Cambridge: Cambridge University Press, 2015; *Matzner S.* Rethinking Metonymy: Literary Theory and Poetic Practice From Pindar to Jakobson. Corby: Oxford University Press, 2016.
11. *Littlemore J.* Op. cit. P. 1.

на. Хотя и дистанцируясь от самого́ понятия остран(н)ения, Роман Якобсон в своих работах многократно и многопланово исследовал техники удивления/остран(н)ения — в частности, именно через метонимию[12]. С его именем связано то «отступление метафоры» (*retrait de la métaphore*)[13], которое оказалось столь значимым для гуманитаристики XX века[14]. Якобсон выявил роль метонимии (прежде оттесненной на второй план метафорой и/или сведенной к синекдохе) в экономии удивления, свойственной литературе и искусству новой эпохи. В статье «О художественном реализме» (1921)[15] Якобсон представляет метонимию как фигуру, ресурсы которой (с одной стороны, обновляющие, с другой — придающие правдоподобие) широко использовались писателями, считавшими себя реалистами (так называемая школа Гоголя). Он развивает эту тему в статье о Пастернаке (1935)[16]. Хотя

12. См., напр.: *Цвигун Т.* «Другая» риторика Романа Якобсона (заметки к теме I–III) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2006. № 8; *Она же.* Метонимия как «нулевая степень письма» Романа Якобсона (заметки к теме IV) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2007. № 6.
13. Я имею в виду, разумеется, название статьи Деррида (*Derrida J.* Psyche I. P.: Galilée, 1998), в которой он развивает свои размышления над метафорой, начатые в знаменитом тексте 1971 года о «белой мифологии» (*Деррида Ж.* Поля философии / Пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Академический проект, 2012).
14. Толкованием метонимии как смещения (*déplacement, Verschiebung*) Жак Лакан обязан работам Якобсона, а также личному знакомству с ним (*Lacan J.* La psychanalyse vraie, et la fausse [1958] // Idem. Autres écrits. P.: Seuil, 2001. P. 166, 401–402, 489).
15. Статья была сначала опубликована в чешском, затем в украинском переводе в 1927 году. Оригинал должен был ждать публикации до 1962 года (*Jakobson R.* On Realism in Art // Michigan Slavic Materials: Readings in Russian Poetics. 1962. № 2; републикация в: *Idem.* Selected Works III. The Hague: De Gruyter, 1981). Французский перевод вышел в 1965 году в издании: Théorie de la littérature / T. Todorov (dir.). P.: Seuil, 1965. Через 30 лет после написания статьи Якобсон применил различение метафора — метонимия к афазии: статья «Два аспекта языка и два типа афатических нарушений» была написана в 1954 году и опубликована по-английски в 1956-м, а по-французски в 1963 году. По-русски она вышла в сборнике: Теория метафоры. М.: Прогрес, 1990. В западных (неславистских) работах вклад Романа Якобсона в теорию метафоры и/или метонимии часто датируется 1965-м или в лучшем случае 1956 годом; однако интерес к теме восходит к концу 1910-х годов (от статьи «Футуризм» (1919)).
16. *Jakobson R.* Randbemerkungen zur Prosa des Dichters Pasternak // Slavische Rundschau. 1935. Bd. VII. S. 357–374. Французский перевод: *Idem.* Notes marginales sur la prose du poète Pasternak // Idem. Huit questions de poétique.

и посвященная, как указывает ее название, пастернаковской *прозе*[17], статья идет дальше и констатирует смену доминанты в новой поэзии по сравнению со «старой», опирающейся на символизм. Уже не метафора, этот столп символизма, является главным ресурсом обновления литературы, а метонимия.

> Но не метафоры, несмотря на их богатство и изощренность, определяют поэтическую тему у Пастернака, не они служат путеводной нитью. Система метонимий, а не метафор — вот что придает его творчеству «лица необщее выражение». Его лиризм, в прозе или в поэзии, пронизан метонимическим принципом, в центре которого — ассоциация по смежности[18].

Основанная на сходстве, метафора «парадигматична»; она углубляет обозначаемый, ожидаемый или «целевой» смысл. Привлечение же смежного, соседнего, «синтагматичного» (или «синтаксического») окружения по определению таит сюрпризы, чревато удивлением[19]. Отступление метафоры шло параллельно с разочарованием в «глубинах» в пользу «поверхностных эффектов», диссеминации, предпочтения многообразия употребления — «внутренней форме». Если метафора утверждает и подтверждает знакомое и известное, метонимия производит новое, подключая элементы случайности, комбинаторики, событийности, пересечения (взаимовлияния, интерференции, вхождения в резонанс) гетерогенных и независимых серий[20]. Обстоятельство весьма зна-

P.: Seuil, 1977 (но пастернаковеды, конечно, не ждали перевода, см.: *Aucouturier M.* The Metonymous Hero, or The Beginnings of Pasternak as a Novelist // Books Abroad. Spring 1970. Vol. 44. № 2. P. 222–227). Русский перевод Ольги Седаковой: *Якобсон Р.* Заметки о прозе поэта Пастернака // Он же. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.

17. Следует отметить, что изначально Якобсон считал метонимию по преимуществу прозаическим тропом, отсюда важность и новизна предпринятого им исследования его применения в поэзии.
18. Там же. С. 329.
19. Интересное толкование встречаем у Женетта: «В паре метафора — метонимия очень соблазнительно увидеть противопоставление религиозной трансценденции приземленному духу, обреченному на посюстороннюю имманентность. Метонимия и Метафора — это две евангельские сестры: активная хозяйственная Марфа, которая возится и носится с тряпкой туда-сюда от одной вещи к другой и т. п., и созерцательная Мария, „выбравшая лучшую долю“, которая отправится прямиком на Небо. Горизонтальное *vs.* Вертикальное» (*Genette G.* Figures III. P.: Seuil, 1972. P. 37).
20. Как частный случай — пересечения серии текста с серией читателя. То, что для, скажем, Платона было бичом, проклятьем письменного текста — уже не принадлежать демиургу, утратить его спасительную защиту, быть от-

чимое: метонимия выполняет функцию обновления, освежения *и* обеспечивает эффект правдоподобия, или реальности[21]. Массы разнопорядковых и часто нелепых подробностей (которые якобы «нарочно не придумаешь» и которые нарочно придумываются как раз ради этого эффекта) не только не сеют сомнений в душе читателя, не только не раздражают его, отвлекая от развития интриги, но и вселяют доверие. Само наличие этих деталей, кажется, досадно уже для автора, который представляется *вынужденным* приводить их; они воплощают, таким образом, принудительный характер само́й реальности.

В версии Якобсона смежность не исключала сходства или какого-то другого отношения; несходство лишь делало смежность более чистой, а ее эффект — более очевидным. Концепция Якобсона, как заметили уже Жан-Франсуа Лиотар и Жерар Женетт[22], была близка к сюрреалистам, для которых «наиболее высокая степень произвольности» (*le degré d'arbitraire le plus élevé*)[23] придает образу, по крайней мере образу сюрреалистическому, его силу. «Объективная случайность», «автоматическое письмо», коллажи, фроттажи, наложения, знаменитая игра в *cadavre exquis* — вот многочисленные пути, на которых сюрреалисты (и дадаисты) практиковали и исследовали случайность, удивление, нарушение ожидания, абсурд.

Идеал сюрреализма, оттолкнувшийся от «литературной нормы» (или, точнее, эту норму оттолкнувший), стал за несколько десятилетий если не нормой, то ориентиром литературы *вообще*: теперь неожиданности, удивительности ждут и от метафоры. По Лиотару, эффективность метафоры зависит от того, насколько ей удается усвоить или присвоить (*s'approprier*) метонимию, поскольку троп, не производящий чего-то нового, просто лишен смысла[24]. Для Женетта существенной и для метафоры, и для метонимии является новизна, неожиданность, произвольность сбли-

данным на милость (или на растерзание) читателю, — становится благословением, шансом: в открытости и непредсказуемости встречи с читателем решается «смысл» текста, таится его бесконечное богатство — ценой удивления, причем, так сказать, взаимного.

21. Роль «бесполезных» деталей была блестяще показана в эссе Владимира Набокова о Гоголе (1944) — насколько независимо от Якобсона, я утверждать не в состоянии. Известно, что Набоков следил за работами Якобсона, и не только в связи со «Словом о полку Игореве».
22. См. его великолепное применение якобсоновского подхода к Марселю Прусту: *Genette G.* Métonymie chez Proust // Idem. Figures III.
23. *Breton A.* Les manifestes du surréalisme. P.: Éditions du Sagittaire, 1946. P. 63.
24. *Lyotard J.-F.* Discours, figure. P.: Klincksieck, 1971. P. 250–260.

жения «оболочки» и «содержания» (*véhicule/vehicle vs teneur/tenor*) метафоры[25]. От этого, возможно, страдает точность описания, но в моде определенно сближение метонимии с метафорой. Согласно некоторым когнитивным лингвистам, метафора зиждется на метонимическом отношении, поскольку имеет своей исходной точкой смежность семантических полей (таким образом, *сходство* считается здесь лишь одним частным случаем смежности, а именно смежностью семантической). Излишнее разведение метафоры и метонимии может оказаться контрпродуктивным; изучать следует скорее их со-присутствие, интеракцию, симбиоз, словом, *метафтонимию*[26].

Переоткрытие или переоценка метонимии Якобсоном содержала в себе не только научный и/или эвристический, но и пророческий заряд, и далеко за пределами литературы, поскольку предвосхищала приход «смежного человека», некоего *homo zapiens*[27], продукта не столько современной хронополитики, сколько множества сосуществующих хронопрактик[28]. Клипизация, феномен дефицита внимания, укорачивание срока работы у одного работодателя, смена профессий и связанных с ними идентификаций, смена внутри одной жизни нескольких типов субъектных сборок… В философии и гуманитаристике вслед за метонимией *завышающей* переоценке подвергаются контингентность, случайность[29],

25. *Genette G.* La rhétorique restreinte // Idem. Figures III. P. 32, n. 4.
26. *Goossens L.* Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action [1990] // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast.
27. Авторство «термина» проследить трудно (отметим колебания между *zapiens* и *zappiens*). См. выставку 1998 года в Ренне и Марн-ла-Вале и каталог к ней: Homo Zappiens Zappiens / A. Bulloch, Ph. Chatelain, P. Frament et al. (dir.). Rennes: PUR, 1998, а также книгу: *Blind R.* Eduquer l'homo "zappiens": l'enfant et la télévision. Bernex: Jouvence, 2000. Наконец, вероятно, независимо от них, под таким названием вышел перевод на французский язык романа В. Пелевина "Generation 'П'" (*Pelevin V.* Homo zapiens / G. Ackerman, P. Lorrain (trad.). P.: Seuil, 2001). В 2010-е годы «термин» получил широкое распространение в англоязычном нонфикшне.
28. Литература по этой проблематике необъятна. См., напр.: *Rosa H.* Social Acceleration: A New Theory of Modernity. N.Y.: Columbia University Press, 2015.
29. Случайность была одной из важных тем у Ницше; в его ключе она разрабатывается у Ричарда Рорти (*Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996 (оригинал вышел в 1989 году). Одо Марквард видел в искусстве вообще своего рода сопротивление всем тенденциям, «враждебным случайности» (*zufallsfeindlichen*): *Marquard O.* Apologie des

а в недавнее время так называемая серендипность, феномен непреднамеренного открытия или изобретения[30]. Нас постоянно *застает врасплох*. Конечно, невероятная, давно уже не «человекоразмерная» скорость технологических обновлений задает общий темп. Мы перешли в режим постоянного удивления, мы удивлены постоянно… и поэтому никогда в самом деле. Удивляться и, соответственно, удивлять становится императивом, который не может не пасть жертвой жестокой инфляции[31].

Со времен завершения антропологической эволюции по индивидуализации субъекта, которое пришлось на становление и оформление буржуа как типа (эдипализованного субъекта, как сказали бы Делёз и Гваттари), индивид стал массово стремиться обогатить свой экзистенциальный опыт его диверсификацией. В чем-то это было задано «внешним» ускоряющимся темпом техно-социо-антропологических перемен: фактически они *обогнали* по темпу психофизиологическое становление индивида, то есть, в старых терминах, «филогенез обогнал онтогенез». Если изъясняться несколько схематично, в домодерновых обществах филогенез, условно говоря, стоял на месте: человек рождался и умирал внутри одной «эпохи» и/или парадигмы субъективации, тогда как сейчас переживает за одну «биологическую» жизнь несколько эпох. Стало возможным за одну жизнь пережить распространение телефона — и высадку человека на Луну, появление телевидения — и интернета с мобильной связью или, в более мрачном ракурсе, появление танков — и применение ядерного оружия. Но наряду с этими наиболее бросающимися в глаза переменами в ходе одной биологической жизни подспудно, но тем не менее

Zufälligen. Stuttgart: Reclam, 1986. См. уже у Делёза: *Deleuze G.* Logique du sens. P.: Minuit, 1969. P. 74 ff.

30. *Merton R.* The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science. Princeton: Princeton University Press, 2004; *Catellin S.* Sérendipité: du conte au concept. P.: Seuil, 2014; Accidental Information Discovery: Cultivating Serendipity in the Digital Age / T. Race, S. Makri (eds). Cambridge: Chandos, 2014.

31. Забавный анекдот «из жизни» рассказывает Катрин Маврикакис: «Одна моя знакомая, которой рассказали про клонирование овечки Долли, воскликнула: „Что? Разве этого уже не существовало?“ Эта 73-летняя женщина, современница бурного технологического прогресса, готова к любым переменам. Единственное, что ее еще удивляет, — это скорость изменений, слишком медленная для ее воображения. Для нее событие утрачивает смысл еще до того, как происходит» (*Mavrikakis C.* Plus rien ne m'étonne… et autant le dire tout de suite: ça ne m'étonne même pas // L'étonnement / F. Belle-Isle et al. (dir.). P. 158).

очевидно менялось нечто ничуть не менее важное — сама субъектная конфигурация:

> Двадцатый век был первым, в котором люди стали массово менять парадигму своей субъективности в течение одной жизни. Можно было родиться-воспитываться христианским грешником, обрести экзистенциалистскую «свободу» в бунте против (какого-нибудь) Отца и веры, пройти через растворение в коллективной личности (левого, правого или анархистского, политического или эстетического толка), стать метаэдипальным самоаналитиком (*analysant*) в ходе психоаналитического «лечения», пройти через идентификацию с потребителем, выйти из нее под экологическими или иными антиконсумационными флагами, наконец, под самый занавес XX века, в его последнюю пятилетку, успеть ризоматизироваться, став туманностью сетевых ников и аватаров. Никакая философия не может поспеть за этим ускоряющимся калейдоскопом субъективаций, десубъективаций и типов трансцендентализации[32].

Можно было родиться *индивидом*, осознать себя *сущим*, воспитываться как *субъект*, пройти через *негативность*, мутировать в *интенсивность*, стать *множеством* и, наконец, «пришествующим» (*advenant*; так его называет феноменолог — и обновитель феноменологии — Клод Романо и его русский переводчик Руслан Лошаков)[33], то есть фактически синонимом *события*. Эти разные парадигмы или типы субъективации[34] могут не безвозвратно сменять друг друга, но чередоваться в зависимости от контекста[35], следуя социальной логике некоторой ди- или полиглоссии, которая много раз на дню варьирует наши социальные роли, обреченные на смежность так же, как политика, семья, профессиональные заботы, котики, пейзажи и прочее «удивительное рядом» неизбежно соседствуют в наших лентах в соцсетях. Императив «жить свою

32. *Маяцкий М.* Ad hominem и обратно. М.: ВШЭ, 2020. С. 124.
33. *Romano C.* L'événement et le monde. P.: PUF, 1998. P. 79 ff; *Idem.* L'événement et le temps. P.: PUF, 1999. P. 195 ff; *Романо К.* Авантюра времени. Три эссе по феноменологии события. М.: РИПОЛ Классик, 2017.
34. "Modes diversifiés de subjectivation" (*Romano C.* L'événement et le monde. P. 2).
35. По Делёзу, мы живем одновременно в разных темпоральных линиях. Наряду с привычкой (*habitude*) и ее темпоральностью есть еще «боковые, не последовательные, временны́е отношения», и мы то и дело выпадаем из одной микросреды (связанной с такими действиями-состояниями, как расти, уезжать, влюбиться, разлюбить…), чтобы впасть в другую (*Zourabichivili F.* Deleuze, une philosophie de l'événement. P.: PUF, 1994. P. 73).

жизнь» означает теперь: прожить несколько жизней, лучше побольше разных и желательно не по принуждению, а какие хочется.

Когда-то «в мире странник», *viator mundi*, надевал все «переживания», все элементы опыта на крючок апперцептивного единства; это «он» был накопителем, свидетелем, агентом-пациентом этого опыта. Теперь он стал своего рода онтологическим туристом, путешествующим не только по разным местам, но и по разным своим агрегатно-онтологическим состояниям и, соответственно, ищущим удивления как перед новыми видами, так и перед новыми эффектами на себя-видящего. Подобно герою популярного научно-фантастического сюжета, он переживает некий метемпсихоз, упраздняющий вопрос о его подлинном и стабильном крючке, который бы обеспечивал некое единство опыта и гарантировал самотождественность удивляющегося. На уровне же, так сказать, онтическом такое чередование выражается, например, в массовом переходе от одноразовой и пожизненной профессиональной (и социальной вообще) идентификации к множественной, лоскутной, текучей.

Варьируя оптику, меняя телескоп на микроскоп и наоборот, можно усложнить картину. Индивид пересекает эти «эпохи» не равнодушным наблюдателем. Его юность и молодость (и парадигмы субъективации, пришедшиеся на эти периоды) имеют для становления большее значение, чем более поздние периоды. Некоторые индивиды на всю жизнь поселяются в одном из периодов своей жизни; мы все «родом из детства», но некоторые там (или в армии, или в студенческих годах) и остаются. Для них определяющей парадигмой оказывается та, что соответствует не только этому возрасту, но и десятилетию, на которую он пришелся.

Люди общаются, однако, с другими индивидами, для которых определяющими могут являться другие парадигмы. Смежность этих парадигм необходима в своей случайности, она контингентна, но сама их сменяемость говорит не только о социальных и культурных сдвигах, но и о воле субъективности к ускользанию от жестких определений и от готовых форм восприятия и осмысления: хайдеггеровское выведение *Dasein* из ряда прочих сущих, как и сартровская негативность, — наилучшие тому примеры, если говорить о первой половине XX века. Во второй его половине девизом такого ускользания и стало *событие*. Это произошло (по крайней мере, во французской философии), вероятно, в результате экстраполяции и «эскалации» интуиций «Логики смысла» (1969) Жиля Делёза, исследования событийности, вдохновленного стоиками, Лейбницем, Льюисом Кэроллом и Жильбером Симондоном. Делёз вы-

являет событийность там, где она освобождается от телесности и причинности, вписываясь в «поверхностные эффекты» (*effets de surface*)[36] и если и не минуя причины, то вводя как минимум «двойную причинность», то есть учитывая и воздействие следствий друг на друга. Антиглубинная философская фронда находит свою онтологическую опору. Делёз характеризует идеальное событие как сингулярность[37], образованную в своей бестелесности и нематериальности пересечением различных серий[38]. За пару десятилетий «событие» стало лозунгом сопротивления всякого рода социальному принуждению и всякой «неизбежности»: если раньше такую неизбежность воплощала в первую очередь незыблемая «человеческая природа» как органически-естественный предел любого изменения, то теперь эту роль стали играть «законы рынка» и прочие производные от них (био)технологические и социальные законы и правила, задающие прежде всего темп перемен. Событие стало некоей программой гражданской обороны от ожидаемого и широко объявленного неизбежного. Как будто кристаллизуя отвращение к принудительной причинности, событие квалифицируется как непостижимое (*impénétrable*)[39], неожиданное (*inattendu*[40], *unexpected*[41]), непредвидимое (*imprévisible*)[42], невыразимое, неска-

36. *Deleuze G.* Logique du sens. P. 13–21.
37. Ibid. P. 67.
38. Ibid. P. 57. Он говорит здесь, несколько противоречиво, о «сериях событий» (*séries d'événements*).
39. Ibid. P. 79.
40. «Событие не только в самом деле удивительно, то есть разрушает, случаясь, всякое ожидание; но оно и происходит принципиально *против всякого ожидания*, оно непредвидимо в принципе: оно подвешивает всякое понимание в лакуне смысла и в зиянии мира. Оно связано не с удивлением (*étonnement*) как феноменом событийным, но с заставаним врасплох (*surprise*) как феноменом событийностным» (*Romano C.* L'événement et le temps. P. 225). Романо вводит различение между «событийным» и «событийностным» (*événementiel vs événemential*), которое трудно не уподобить кантианскому, между «трансцендентным» и «трансцендентальным». Романо поясняет, что «вводит прилагательное „событийностный" в целях избежать возможного смешения с представлением о человеческом пути как череде „событий" как фактов биографии. „Событийностное" отсылает к событию в его собственном смысле» (*Idem.* L'événement et le monde. P. 79).
41. *Currie M.* The Unexpected. Narrative Temporality and the Philosophy of Surprise. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. Я слишком поздно узнал о существовании этой книги, чтобы учесть ее в статье.
42. «Не предвидимо в принципе» (*imprévisible en droit*), снова и снова настаивает Романо (*Romano C.* L'événement et le monde. P. 138).

зуемое (*indicible*)[43], немыслимое (*impensable*)[44], непредвосхищаемое (*inanticipable*)[45], невозможное (*impossible, privé de potentialité*)[46]. Из всех элементов, составляющих мир, — вещей, свойств, отношений, фактов, действий — именно «событие» призвано вместить и выразить невыводимость, недедуцируемость мира:

> Событие, которое по определению должно остаться непредвидимым и, следовательно, непрограммируемым, есть то, что должно выходить за рамки машины[47].

Снова и снова подчеркивается экстраординарный характер события: оно возникает из ничего[48], оно само есть абсолютное начало[49], оно

43. Впрочем, у самого Делёза высказывание выступает носителем события (*Deleuze G.* Logique du sens. P. 47). Ср. также с его лаконичной формулировкой: «Событие существует в языке, но происходит с вещами» (Ibid. P. 37). См. также текст Деррида «Об определенной невозможной возможности высказать событие» (*Derrida J.* Une certaine possibilité impossible de dire l'événement // Soussana G. et al. Dire l'événement, est-ce possible? P.: L'Harmattan, 2003). В этом выступлении на конференции в Монреале Деррида подчеркивает отличие между говорить-событие и делать-событие (*dire-l'événement vs faire-l'événement*), опираясь на различение между констатирующими и перформативными высказываниями.
44. *Caussat P.* L'événement. P.: Declée de Brouwer, 1992. P. 34. Здесь событие становится термином для самого́ немыслимого (*l'impensable*).
45. *Derrida J.* Une certaine possibilité impossible de dire l'événement. P. 81. Ср.: "l'inanticipable singularité de l'événement" (*Bennington G., Derrida J.* Jacques Derrida. P.: Seuil, 1991. P. 36).
46. Ibid. P. 95–96.
47. Жак Деррида в: *Derrida J., Roudinesco E.* De quoi demain. Dialogue. P.: Fayard; Galilée, 2001. P. 86–87. Деррида касался проблематики события во многих своих текстах, особенно поздних. Его интерес к ней был, несомненно, связан с его личной стратегией ускользания от идентификаций и определений, отказа узнавать себя в предлагаемых зеркалах-образах, стремления удивить каждым новым текстом. Эта стратегия была не просто личной, она касалась и «метода» деконструкции (отождествлению с которой он сопротивлялся): этот «метод», если он хочет выполнять «свою» миссию, должен постоянно меняться. Такое ускользание стало красной нитью квази(авто)биографии Деррида, написанной им в соавторстве с Джеффри Беннингтоном: пока соавтор пытался определить героя биографии, сам герой стремился выйти за очерченные пределы. См.: *Bennington G., Derrida J.* Op. cit., особенно p. 28–36. Деррида оспаривает «право [моего соавтора] лишить меня моих событий» (Ibid. P. 33).
48. *Romano C.* L'événement et le monde. P. 58.
49. "Cette absolue nouveauté signifie que l'événement surgit de rien, qu'aucune possibilité ne lui préexiste, mais qu'il préexiste à sa propre possibilité qu'il ouvre lui-même en survenant" (*Idem.* L'événement et le temps. P. 169).

> …и непредвидимо в режиме причинности, и непредвосхищаемо в смысле проекта. Оно случается, строго говоря, еще *до того, как стало возможным* [Анри Мальдине], и тем самым освобождается от своих собственных условий[50].

Событие опрокидывает, ломает логику историчности:

> То, что история схватывает в событии, — это его осуществление в различных положениях дел, но событие в своем становлении ускользает от истории.

Мыслить событие[51] не означает отрицать или упразднять причинность, но предполагает сопротивляться сведéнию к причинам: даже если исследование причин события может дать результат, кажущийся удовлетворительным, сама событийность события, событийное в нем проскользнет сквозь ячейки сети. Будучи объяснено, событие исчезает, перестает быть таковым, превращается в факт:

> Не то чтобы событие не было ничем приготовлено или предварено, не то чтобы оно не было укоренено в какой-нибудь истории

50. *Idem.* L'événement et le monde. P. 70.
51. Это мышление, конечно, отнюдь не едино и не гомогенно и содержит в себе многочисленные расхождения, как языковые, так и философские. Мышление события (*Ereignis*) по-немецки привносит, вместе с Хайдеггером, коннотации, отсутствующие в *événement*, в частности связанные с «собственным» (*eigen*) и в силу этого заслуживающие отдельного обсуждения: речь здесь так или иначе идет о «новом начале», которое может предполагать несколько трактовок — от практически-политических до метаполитических. Аналитические (и/или англосаксонские) исследования применяют совсем иные подходы: избегая излишней драматизации, они обсуждают структуру события, его онтологический статус, его конститутивные элементы, а также языковые акты, образующие *events*, и т. д. См.: *Davidson D.* Essays on Actions and Events. Oxford: Clarendon, 1980; *Thomson J.* Acts and Other Events. N.Y.: Cornell University Press, 1977; *Bennett J.* Events and Their Names. Oxford: Clarendon, 1988. Существуют работы такого рода и на французском языке: L'événement en perspective / J.-L. Petit (éd.). P.: L'Ecole des hautes etudes en sciences sociales, 1991. Здесь и речи нет ни о какой «несказуемости события». Один из участников сборника, Поль Рикёр, исследовал как «сказуемость» (*dicibilité*), так и «рассказуемость» (*narrativité*) события. См. также: *Ricœur P.* Temps et Récit. P.: Seuil, 1984; *Idem.* La Mémoire, l'histoire et l'oubli. P.: Seuil, 2000. Непосредственно его подход к «сказуемости события» обсуждается в сборниках: Que se passe-t-il? Événements, sciences humaines et littérature / D. Alexandre et al. (dir.). Rennes: PUR, 2004; Que m'arrive-t-il? Littérature et événement / E. Boisset, Ph. Corno (dir.). Rennes: PUR, 2006.

> и возникало вдруг, без всякой с ней связи; напротив, о событии, как и о любом внутримировом факте, можно сказать, что у него есть причины, но что эти причины ничего не объясняют, а если и «объясняют», то то, что *всегда* является *лишь* фактом и никогда *событием* в его событийностном смысле[52].

Довольствоваться объяснением события причинами означает сводить его к объекту, а себя — к субъекту. С субъектом может случиться что угодно, но только не событие; скучная стабильность субъекта лишает человека событий:

> Определить человека как «субъект» — это заведомо запретить, что нечто подобное событию может коснуться его; это мыслить [человека] как нечто удерживающее себя неизменным *под* (*subjectum*) тем, что с ним случается, и осуществляющее настолько полный контроль над событиями, что низводит их до уровня простых атрибутов: иначе говоря, как то, что тождественно самому себе, невзирая на свои вариации[53]. Субъект — это то, с чем ничего не происходит и никогда не может произойти, это то, что держит себя «за» или «под» своими акциденциями, то, что, опираясь на глубинный иммунитет по отношению к любому событию, остается тождественным себе, по свои вариации включительно[54].

Будучи субъектом, сам *homo theoreticus* должен отступить перед лицом события. Он способен ухватить лишь соразмерное себе, то есть лишь «объектное». Онтология же события более фундаментальна: событие «овозможнивает возможное (*possibilise le possible*) в его ан-архическом возникновении… оно берет исток в самом себе». Нужно не объяснять событие причинами, а искать в нем объяснения причин:

> Если событие рвет каузальную цепь, то потому, что контекст, в который его вписывают («мир» в его событийном[55] смысле), его не объясняет; напротив, это оно проясняет свой собственный контекст, придавая ему смысл, который он вовсе не предполагал[56].

52. *Romano C.* L'événement et le monde. P. 58.
53. Ibid. P. 71.
54. *Idem.* L'événement et le temps. P. 8.
55. В отличие от «событийностного» (см. выше об этом различении, введенном Клодом Романо).
56. *Idem.* L'événement et le monde. P. 61.

У другого мыслителя, Алена Бадью, роль онтологии переходит от философии к математике. Однако у философии остается свое специфическое поле деятельности: она занимается тем, что превосходит бытие, выходит за рамки онто-математического порядка. Этот «избыток», это сверх- или транс-бытие (*trans-être*) и носит название «событие»:

> Ту точку, в которой онтологическое поле, а следовательно, математика детотализируется, приходит в тупик, я назвал *событием.* Можно сказать и так, что помимо постоянно уточняемой идентификации реальной онтологии философия есть также (и, несомненно, прежде всего) общая теория события. То есть это… теория невозможного, свойственного математике. Другими словами, в той мере, в какой математика отвечает за мышление бытия как такового, теория события стремится определить транс-бытие[57].

Такую модель можно понимать в кантовском ключе (как определение границ разума), или же в платоновском (где Благо ставится выше, чем бытие, *epekeina tēs ousias*), или в пифагорейском (когда иррациональное в математическом смысле отдается на откуп философии). Оставим в стороне вопрос о правомочности такого разделения труда: какой легитимностью может обладать некая онтология, которая заведомо исключает из рассмотрения целую категорию (и какую!) элементов, а именно события; заведомо постулирует свою неполноту? Как если бы Бадью не просто принял всерьез, но и возвел в принцип «удивление как начала философии» и, отведя онтологии область объяснимого и рационального, а значит, неудивительного, оставил за философией миссию удивлять тем и удивляться тому, что́ по определению застает врасплох. Событие нарушает ожидаемый порядок, метонимически сополагая разнородное *неожиданным* образом; причем эта неожиданность будет превосходить ту, к которой мы готовы, которую *ожидаем*, превосходить *ожиданную неожиданность.* Событию нужен тот, кто его не ждет (и уже поэтому *ждет*), иначе говоря, только в человеческой среде возможны события (или: на события способен только человек)[58]. Без человека нынешняя пандемия, например, была бы просто биологическим взаимодействием разных организмов.

57. *Badiou A.* Court traité d'ontologie transitoire. P.: Seuil, 1998. P. 56–57.
58. "Seul 'capable' d'événements" (*Romano C.* L'événvement et le monde. P. 2).

Ничто так ярко не демонстрирует масштаб последних антропологических изменений, как структурная разница между тремя событиями, произошедшими с интервалом примерно в четверть века. Пока 11 сентября (9/11) не стало моделью события, *the Event,* западной цивилизации, такой моделью выступал май 1968 года. Он служит парадигмой события и для его теоретиков — Делёза и Гваттари и др. Собственно, несомненная печать *этого* события лежит на их теоретизировании *события вообще* (которого, конечно, не бывает в силу его предельной сингулярности). Но еще за четверть века до мая 1968-го другое событие — холокост/Катастрофа/Шоа — брутально разорвало саму историческую ткань, подняло предельные вопросы, как метафизические (смысл истории) и теологические (теодицея), так и антропологические (*se questo è un uomo?*). Если май 1968 года превратился в мастерскую не только для социального экспериментирования, но и для его осмысления, то другой (наряду с мышлением о событии, *la pensée de l'événement*) его важной идей стала мысль об «обществе спектакля»: собственно, и кошмар 9/11 был задуман его «авторами» как зрелище, неизбежно поражающее и устрашающее воображение.

Событие мая 1968-го само превратилось в фабрику высказываний, устных и письменных, многие из которых стали «крылатыми словами» (если не общими местами). Визуальное и дискурсивное эхо 9/11 было немедленным и колоссальным: им были порождены множество фильмов, романов и других форм выражения (и самолечения). Совсем не так обстояло с Шоа: это «событие» долго *замалчивалось* не только палачами, но и жертвами. Неспособность/невозможность свидетельства, социальное и психологическое сопротивление ему — тема многих исследований холокоста[59]. Но и в работах Делёза (и Гваттари) зияет это молчание (если не *фигура умолчания*, апофазия, *prétérition*): из-за *chaoerrance*[60] (вносящей хаотичность в упорядоченность репрезентации[61]), из-за джойсовского *chaosmos* лишь исподволь проглядывает *shoaerrance*, *shoasmos* — мрачная тень того тем более событийного события, что оно не подлежит немедленному выражению, сопротивляется в признании того, что «имело место», и таким образом не находит себе места в имеющейся посюсторонней онтологии

59. Из недавних русскоязычных см.: *Подорога В.* Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло. М.: Логос, 2013 (особенно вторые части обоих разделов книги).
60. Словослияние лексем *chaos* и *cohérence*.
61. *Deleuze G.* Différence et répétition. P.: PUF, 1968. P. 80.

и не схватывается наличной риторикой, наличными дискурсивными средствами. Проблема холокоста была не столько в его не*пред*виденности, не*пред*сказуемости, сколько в его, так сказать, не*пост*видимости, не*пост*сказуемости. С тех пор, после бесконечно долгого молчания, холокост был артикулирован, высказан, репрезентирован, изучен во многих художественных и исследовательских формах. Доминанта скорби сменилась доминантой бдительности: «не допустить повторения». Однако событие, в том числе такое жуткое, сингулярно. Нет такой бдительности, которая бы предотвратила — не *то же* событие (*того же* не будет), а другое событие, сколько о нем ни говори, то есть сколько ни сопротивляйся (у)молчанию. Невыразимость, несказуемость *этого* события связана и с его ужасом, и с его сингулярностью, поскольку высказывание с необходимостью предполагает некоторую итеративность, сериальность. Не случайно попытки помыслить холокост в его абсолютной исключительности неизбежно дополняются (как *supplément*) осознанием удручающей серийности событий такого *рода*: индейцы, африканцы, армяне, цыгане, тутси…

Мышление о событии, как мы видели, довольно близкое или со-гласное (при всех исходных различиях) у Делёза и Бадью, у Деррида и (нео-феноменолога) Романо и параллельное с эстетической переоценкой метонимии, было артикулировано в эпоху социального и интеллектуального подъема, связанного с маем 1968-го. Свойственный этому мышлению оптимизм (событие означает не конец, а начало![62]) определяется квазиреволюционными коннотациями: событие — это в той или иной степени революция (пусть даже консервативная, как в случае с хайдеггеровским *Ereignis*). Этот оптимизм имел цену: забвение-вытеснение «события Шоа». Сегодня это событие возвращено сознанию, и это первая причина, почему мы сегодня не можем довольствоваться «теорией события», рожденной на интеллектуальной кухне мая 1968 года. Вторая причина заключается в том, что маю 1968-го, как и всему периоду послевоенного «славного тридцатилетия», была свойственна специфическая прогрессистская иллюзия: относительное экономическое благосостояние Запада, деколонизация, понятная логика бинарного мира схлопывали сложность мира в простую метонимию сосуществования (смежности на планете Земля) двух систем. Событие 9/11 среди многочисленных уроков преподало и тот, что касается степени гетерогенности и гетерохронности мира, степе-

62. «Конец — это теневая реакция на возникновение; это, по определению, полная противоположность событию» (*Zourabichivili F.* Op. cit. P. 19).

ни, которая сама по себе таит «непредвиденные» и «несказуемые» опасности. Ныне переживаемое нами «событие» пандемии предоставляет третий резон для обновления мышления о событии: пандемия вписывается во «всемирную историю» — только не бесчестья, а обесчещения человека (Коперник, Дарвин, Фрейд…). Она требует пересмотра всей нашей экологической этики, всего нашего *modus vivendi* в метонимическом рядоположении с тем, что мы истолковываем как «природу» (а значит, как наш ресурс, как нашего партнера и соперника, которого нужно победить, использовать или с которым нужно договориться). Что если само мышление о событии (как о том, что может происходить только с человеком, случаться только с ним) есть лишь последний всплеск того самомнения субъективности, которое мешает ей ставить правильные вопросы?

Библиография

Гинзбург К. Остранение: Предыстория одного литературного приема // Новое литературное обозрение. 2006. № 80. С. 110–123.

Гройс Б. О новом. Опыт экономики культуры. М.: Ad Marginem; Гараж, 2015.

Деррида Ж. Поля философии. М.: Академический проект, 2012.

Маяцкий М. Ad hominem и обратно. М.: ВШЭ, 2020.

Подорога В. Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло. М.: Логос, 2013.

Романо К. Авантюра времени. Три эссе по феноменологии события. М.: РИПОЛ Классик, 2017.

Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

Цвигун Т. «Другая» риторика Романа Якобсона (заметки к теме I–III) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2006. № 8.

Цвигун Т. Метонимия как «нулевая степень письма» Романа Якобсона (заметки к теме IV) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2007. № 6.

Чернавин Г. Формы философского удивления: Гуссерль и Витгенштейн о самопонятном // Horizon. 2017. Т. 6. № 2. С. 164–176.

Шкловский В. Тетива. О несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970.

Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.

Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака // Он же. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.

Accidental Information Discovery: Cultivating Serendipity in the Digital Age / T. Race, S. Makri (eds). Cambridge: Chandos, 2014.

Aucouturier M. The Metonymous Hero, or The Beginnings of Pasternak as a Novelist // Books Abroad. Spring 1970. Vol. 44. № 2. P. 222–227.

Badiou A. Court traité d'ontologie transitoire. P.: Seuil, 1998.

Baroni R. La tension narrative: suspense, curiosité et surprise. P.: Seuil, 2007.

Bennett J. Events and Their Names. Oxford: Clarendon, 1988.
Bennington G., Derrida J. Jacques Derrida. P.: Seuil, 1991.
Bierwiaczonek B. Metonymy in Language, Thought and Brain. Sheffield: Equinox, 2013.
Blind R. Eduquer l'homo "zappiens": l'enfant et la télévision. Bernex: Jouvence, 2000.
Breton A. Les manifestes du surréalisme. P.: Éditions du Sagittaire, 1946.
Catellin S. Sérendipité: du conte au concept. P.: Seuil, 2014.
Caussat P. L'événement. P.: Declée de Brouwer, 1992.
Cimakasky J. All of a Sudden: The Role of Ἐξαίφνης in Plato's Dialogues. Doctoral dissertation. Pittsburgh: Duquesne University, 2014.
Currie M. The Unexpected. Narrative Temporality and the Philosophy of Surprise. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013.
Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxford: Clarendon, 1980.
Deleuze G. Différence et répétition. P.: PUF, 1968.
Deleuze G. Logique du sens. P.: Minuit, 1969.
Derrida J. Psyche I. P.: Galilée, 1998.
Derrida J. Une certaine possibilité impossible de dire l'événement // Soussana G., Nouss A., Derrida J. Dire l'événement, est-ce possible? P.: L'Harmattan, 2003.
Derrida J., Roudinesco E. De quoi demain. Dialogue. P.: Fayard; Galilée, 2001.
Genette G. Figures III. P.: Seuil, 1972.
Genette G. La rhétorique restreinte // Idem. Figures III. P.: Seuil, 1972.
Genette G. Métonymie chez Proust // Idem. Figures III. P.: Seuil, 1972.
Goossens L. Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / R. Dirven, R. Pörings (eds). B.: De Gruyter, 2002.
Homo Zappiens Zappiens / A. Bulloch, Ph. Chatelain, P. Frament et al. (dir.). Rennes: PUR, 1998.
Jakobson R. Notes marginales sur la prose du poète Pasternak // Idem. Huit questions de poétique. P.: Seuil, 1977.
Jakobson R. On Realism in Art // Michigan Slavic Materials: Readings in Russian Poetics. 1962. № 2.
Jakobson R. Randbemerkungen zur Prosa des Dichters Pasternak // Slavische Rundschau. 1935. Bd. VII. S. 357–374.
Jakobson R. Selected Works III. The Hague: De Gruyter, 1981.
L'admiration. Miettes d'immortalité / M.-C. Pasquier (dir.). P.: Autrement, 1999.
L'étonnement / F. Belle-Isle, S. Harel, G. L. Moyal (dir.). Montréal: Liber, 2000.
L'événement en perspective / J.-L. Petit (éd.). P.: L'Ecole des hautes etudes en sciences sociales, 1991.
Lacan J. La psychanalyse vraie, et la fausse // Idem. Autres écrits. P.: Seuil, 2001.
Le Robert. Dictionnaire historique de la langue française / A. Rey (éd.). P.: Le Robert, 1998. T. 1.
Littlemore J. Metonymy: Hidden Shortcuts in Language, Thought and Communication. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
Lyotard J.-F. Discours, figure. P.: Klincksieck, 1971.
Maiatsky M. M'étonnymie et l'épouvénement // L'étonnement: histoire d'une passion. Philosophie, esthétique, éthique / L. Vinciguerra (dir.). P.: Klincksieck, 2021.
Marquard O. Apologie des Zufälligen. Stuttgart: Reclam, 1986.
Matuschek S. Über das Staunen. Eine ideengeschichtliche Analyse. Tübingen: Niemeyer, 1991.
Matzner S. Rethinking Metonymy: Literary Theory and Poetic Practice From Pindar to Jakobson. Corby: Oxford University Press, 2016.

Mavrikakis C. Plus rien ne m'étonne…, et autant le dire tout de suite: ça ne m'étonne même pas // L'étonnement / F. Belle-Isle, S. Harel, G. L. Moyal (dir.). Montréal: Liber, 2000.
Merton R. The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science. Princeton: Princeton University Press, 2004.
Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / R. Dirven, R. Pörings (eds). B.: De Gruyter, 2002.
Metonymy in Language and Thought / K.-U. Panther (ed.). Amsterdam: J. Benjamins, 1999.
Onians J. 'I wonder…' A Short History of Amazement // Sight and Insight: Essays on Art and Culture in Honor of E. H. Gombrich at 85 / J. Onians (ed.). L.: Phaidon, 1994. P. 11–34.
Pelevin V. Homo zapiens. P.: Seuil, 2001.
Que m'arrive-t-il? Littérature et événement / E. Boisset, Ph. Corno (dir.). Rennes: PUR, 2006.
Que se passe-t-il? Événements, sciences humaines et littérature / D. Alexandre, M. Frédéric, S. Parent, M. Touret (dir.). Rennes: PUR, 2004.
Ricœur P. La Mémoire, l'histoire et l'oubli. P.: Seuil, 2000.
Ricœur P. Temps et Récit. P.: Seuil, 1984.
Romano C. L'événement et le monde. P.: PUF, 1998.
Romano C. L'événement et le temps. P.: PUF, 1999.
Rosa H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. N.Y.: Columbia University Press, 2015.
Théorie de la littérature / T. Todorov (dir.). P.: Seuil, 1965.
Thomson J. Acts and Other Events. N.Y.: Cornell University Press, 1977.
Zourabichivili F. Deleuze, une philosophie de l'événement. P.: PUF, 1994.

SURPRISE, EVENT AND THE METONYMIC SUBJECT

Michail Maiatsky. Research Fellow, Faculty of Humanities, mmaiatsky@gmail.com. University of Lausanne (UNIL), CH-1015 Lausanne, Switzerland.

Keywords: surprise/admiration/astonishment; metonymy; contingency; subjectivity; event.

A well-worn platitude holds that surprise (*admiration* for the Greeks, but closer to *astonishment* for their successors) is the starting point of philosophy (while carefully distinguishing philosophical surprise from the routine kind). Surprise also functions as an important concept in aesthetics. Russian formalism elucidates it through the concepts of *ostranenie* and defamiliarization. Roman Jakobson in 1919 began a heuristically rich analysis that reveals the role of metonymy in prose and new poetry — in contrast to the centrality of metaphor in traditional poetry. This reassessment of the role of contiguity (as well as of randomness and arbitrariness) as opposed to similarity (or, stated another way, syntax vs. paradigmatics) has found some resonance in (mainly, but not exclusively, French) thinking about the concept of *event*. After its introduction in Gilles Deleuze's *The Logic of Sense* (1969), the real apotheosis of the event unfolds among different thinkers (Derrida, Badiou, neo-phenomenologists) who glorify the unexpectedness, unforeseeableness, ineffability and causelessness of the event.

The article shows that this kind of event theorizing (with its inherent optimism and joyous enthusiasm for new horizons and possibilities) is bound to the type of event within which that thinking took shape, the "revolution" (as it conceived itself) of May 1968. This "theory" cannot fully account for either certain previous events (the Holocaust) nor subsequent ones (such as 9/11 or the pandemic). Parallel with the thinking about the May 1968 event came reflections on subjectivity, or rather on the rapid alteration in its historical types during the 20th century accompanied by efforts to grasp what has taken the place once occupied by the subject. This new and elusive entity (referred to as *advenant* or "coming about" by Claude Romano) corresponds to the metonymic, contingent nature of current social and/or semantic reality itself.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-3-97-119

References

Accidental Information Discovery: Cultivating Serendipity in the Digital Age (eds T. Race, S. Makri), Cambridge, Chandos, 2014.

Aucouturier M. The Metonymous Hero, or The Beginnings of Pasternak as a Novelist. *Books Abroad*, spring 1970, vol. 44, no. 2, pp. 222–227.

Badiou A. *Court traité d'ontologie transitoire*, Paris, Seuil, 1998.

Baroni R. *La tension narrative: suspense, curiosité et surprise*, Paris, Seuil, 2007.

Bennett J. *Events and Their Names*, Oxford, Clarendon, 1988.

Bennington G., Derrida J. *Jacques Derrida*, Paris, Seuil, 1991.

Bierwiaczonek B. *Metonymy in Language, Thought and Brain*, Sheffield, Equinox, 2013.

Blind R. *Eduquer l'homo "zappiens": l'enfant et la télévision*, Bernex, Jouvence, 2000.

Breton A. *Les manifestes du surréalisme*, Paris, Éditions du Sagittaire, 1946.

Catellin S. *Sérendipité: du conte au concept*, Paris, Seuil, 2014.

Caussat P. *L'événement*, Paris, Declée de Brouwer, 1992.

Chernavin G. Formy filosofskogo udivleniia: Gusserl' i Vitgenshtein o samoponiatnom [Forms of Philosophical Wonder: Husserl and Wittgenstein on Self-Evident]. *Horizon*, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 164–176.

Cimakasky J. All of a Sudden: The Role of Ἐξαίφνης in Plato's Dialogues. Doctoral dissertation. Pittsburgh, Duquesne University, 2014.
Currie M. *The Unexpected. Narrative Temporality and the Philosophy of Surprise*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013.
Davidson D. *Essays on Actions and Events*, Oxford, Clarendon, 1980.
Deleuze G. *Différence et répétition*, Paris, PUF, 1968.
Deleuze G. *Logique du sens*, Paris, Minuit, 1969.
Derrida J. *Polia filosofii* [Marges de la philosophie], Moscow, Akademicheskii proekt, 2012.
Derrida J. *Psyche I*, Paris, Galilée, 1998.
Derrida J. Une certaine possibilité impossible de dire l'événement. In: Soussana G., Nouss A., Derrida J. *Dire l'événement, est-ce possible?*, Paris, L'Harmattan, 2003.
Derrida J., Roudinesco E. *De quoi demain. Dialogue*, Paris, Fayard, Galilée, 2001.
Genette G. *Figures III*, Paris, Seuil, 1972.
Genette G. La rhétorique restreinte. *Figures III*, Paris, Seuil, 1972.
Genette G. Métonymie chez Proust. *Figures III*, Paris, Seuil, 1972.
Ginzburg C. Ostranenie: Predystoriia odnogo literaturnogo priema [Making Things Strange: The Prehistory of a Literary Device]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2006, no. 80, pp. 110–123.
Goossens L. Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action. *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* (eds R. Dirven, R. Pörings), Berlin, De Gruyter, 2002.
Groys B. *O novom. Opyt ekonomiki kul'tury* [On the New. An Attempt at Cultural Economy], Moscow, Ad Marginem, Garazh, 2015.
Homo Zappiens Zappiens (dir. A. Bulloch, Ph. Chatelain, P. Frament et al.). Rennes: PUR, 1998.
Jakobson R. Dva aspekta iazyka i dva tipa afaticheskikh narushenii [Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbances]. *Teoriia metafory* [Theory of Metaphor], Moscow, Progress, 1990.
Jakobson R. Notes marginales sur la prose du poète Pasternak. *Huit questions de poétique*, Paris, Seuil, 1977.
Jakobson R. On Realism in Art. *Michigan Slavic Materials: Readings in Russian Poetics*, 1962, no. 2.
Jakobson R. Randbemerkungen zur Prosa des Dichters Pasternak. *Slavische Rundschau*, 1935. Bd. VII, S. 357–374.
Jakobson R. *Selected Works III*, The Hague, De Gruyter, 1981.
Jakobson R. Zametki o proze poeta Pasternaka [Marginal Notes on the Prose of the Poet Pasternak]. *Raboty po poetike* [Essays in Poetics], Moscow, Progress, 1987.
L'admiration. Miettes d'immortalité (dir. M.-C. Pasquier), Paris, Autrement, 1999.
L'étonnement (dir. F. Belle-Isle, S. Harel, G. L. Moyal), Montréal, Liber, 2000.
L'événement en perspective (éd. J.-L. Petit), Paris, L'Ecole des hautes etudes en sciences sociales, 1991.
Lacan J. La psychanalyse vraie, et la fausse. *Autres écrits*, Paris, Seuil, 2001.
Le Robert. Dictionnaire historique de la langue française (éd. A. Rey), Paris, Le Robert, 1998, tome 1.
Littlemore J. *Metonymy: Hidden Shortcuts in Language, Thought and Communication*, Cambridge, Cambridge University Press, 2015.
Lyotard J.-F. *Discours, figure*, Paris, Klincksieck, 1971.
Maiatsky M. *Ad hominem i obratno* [Ad hominem and Back Again], Moscow, HSE, 2020.

Maiatsky M. M'étonnymie et l'épouvénement. *L'étonnement: histoire d'une passion. Philosophie, esthétique, éthique* (dir. L. Vinciguerra), Paris, Klincksieck, 2021.
Marquard O. *Apologie des Zufälligen*, Stuttgart, Reclam, 1986.
Matuschek S. *Über das Staunen. Eine ideengeschichtliche Analyse*, Tübingen, Niemeyer, 1991.
Matzner S. *Rethinking Metonymy: Literary Theory and Poetic Practice From Pindar to Jakobson*, Corby, Oxford University Press, 2016.
Mavrikakis C. Plus rien ne m'étonne…, et autant le dire tout de suite: ça ne m'étonne même pas. *L'étonnement* (dir. F. Belle-Isle, S. Harel, G. L. Moyal), Montréal, Liber, 2000.
Merton R. *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*, Princeton, Princeton University Press, 2004.
Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast (eds R. Dirven, R. Pörings), Berlin, De Gruyter, 2002.
Metonymy in Language and Thought (ed. K.-U. Panther), Amsterdam, J. Benjamins, 1999.
Onians J. 'I wonder…' A Short History of Amazement. *Sight and Insight: Essays on Art and Culture in Honor of E. H. Gombrich at 85* (ed. J. Onians), London, Phaidon, 1994, pp. 11–34.
Pelevin V. *Homo zapiens*, Paris, Seuil, 2001.
Podoroga V. *Vremia posle. Osventsim i GULAG: myslit' absoliutnoe zlo* [After-Time. Auschwitz and GULAG: To Think the Absolute Evil], Moscow, Logos, 2013.
Que m'arrive-t-il? Littérature et événement (dir. E. Boisset, Ph. Corno), Rennes, PUR, 2006.
Que se passe-t-il? Événements, sciences humaines et littérature (dir. D. Alexandre, M. Frédéric, S. Parent, M. Touret), Rennes, PUR, 2004.
Ricœur P. *La Mémoire, l'histoire et l'oubli*, Paris, Seuil, 2000.
Ricœur P. *Temps et Récit*, Paris, Seuil, 1984.
Romano C. *Avantiura vremeni. Tri esse po fenomenologii sobytiia* [L'aventure temporelle: Trois essais pour introduire à l'herméneutique événementiale], Moscow, RIPOL Klassik, 2017.
Romano C. *L'événement et le monde*, Paris, PUF, 1998.
Romano C. *L'événement et le temps*, Paris, PUF, 1999.
Rorty R. *Sluchainost', ironiia i solidarnost'* [Contingency, Irony, and Solidarity], Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996.
Rosa H. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*, New York, Columbia University Press, 2015.
Shklovsky V. *Tetiva. O neskhodstve skhodnogo* [Bowstring: On the Dissimilarity of the Similar], Moscow, Sovetskii pisatel', 1970.
Théorie de la littérature (dir. T. Todorov), Paris, Seuil, 1965.
Thomson J. *Acts and Other Events*, New York, Cornell University Press, 1977.
Tsvigun T. "Drugaia" ritorika Romana Iakobsona (zametki k teme I–III) ["Another" Rhetoric of Roman Jakobson]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriia: Filologiia, pedagogika, psikhologiia* [IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, and Psychology], 2006, no. 8.
Tsvigun T. Metonimiia kak "nulevaia stepen' pis'ma" Romana Iakobsona (zametki k teme IV) [Metonymy as "Writing Degree Zero" of Roman Jakobson]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriia: Filologiia, pedagogika, psikhologiia* [IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, and Psychology], 2007, no. 6.
Zourabichivili F. *Deleuze, une philosophie de l'événement*, Paris, PUF, 1994.